

О. Г. ШАВРОВА
Республика Беларусь, г. Минск

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ФИЛОСОФИИ М. ХАЙДЕГГЕРА И Г.-Г. ГАДАМЕРА

Трагические реалии XX в. предопределили интерес европейской философии к существованию человека и способу его бытия – культуре. Укорененность философского сознания в проблематике культуры связана с тем, что именно в это время философия окончательно выясняет свой принципиально исторический характер и конкретно-культурные основания своей метафизики. Рефлексия над метафизическими основаниями той культуры, в лоне которой находится мыслитель, становится логическим продолжением методологического самосознания философии как таковой. С обращением к феноменам историчности, истории, традиции мыслители возвращаются к универсальности человеческого самоопределения – основной теме любой философии. Своеобразную интерпретацию эти феномены получают в философском творчестве Хайдеггера и Гадамера.

Проблема отношения к исторической традиции в фундаментальной онтологии Хайдеггера предопределена самой постановкой вопроса о смысле бытия, приводящей к необходимости «деструкции» истории онтологии. Эта необходимость вызвана неверной постановкой вопроса о бытии, закрепившейся в форме традиции на уровне установок и самих понятийных и языковых структур, в рамках которых ведутся рассуждения о бытии. Традиция всячески затемняет вопрос о бытии, делая его самопонятным; она подчеркивает то, что мы в своем фактическом бытии уже находимся в горизонте ранее осуществленного. Транслируя свое содержание как наследство (наследие), традиция превращает его в определенную очевидность, закрывая тем самым доступ к исходному источнику происхождения таких очевидностей. «Традиция делает даже такое происхождение вообще забытым» [3, 21]. Она отсекает историчность присутствия: история оказывается просто полезной, объективируется, музеефицируется и, таким образом, утрачивает почву.

Деструкция мыслится Хайдеггером как процесс, направленный против окостенения и окаменения прошлого в форме традиции. Путем последовательной экспликации историчности деструкция призвана прояснить источники очевидностей, фундирующих традицию, дать тем самым возможность «положительного усвоения традиции». Главной же задачей деструкции становится сохранение традиции и, тем самым, очерчивание ее подлинных границ.

В дальнейшей эволюции хайдеггеровского философствования осмысление понятий историчности, истории и традиции связано с обращением к языку как горизонту бытия. Бытие, согласно Хайдеггеру, «приходит к проговариванию» – рождается язык. Напасть на след «судьбы Бытия» можно, припав к чистым, бьющим из самой почвы народного духа родникам языка. В свете задачи «возвращения к бытию» философ пытается показать связь «мира» как духовного мира народа с независимо от человечества существующей действительностью. «Мир» высвечивает одновременно то, на чем и в чем человек основывает свое жилье и что без этого освещения остается совершенно скрытым для человека. «Землей» Хайдеггер называет существование вещей в их сокрытости, из которой вещи могут выйти в поле зрения человека только благодаря «отблескам, бросаемым на них миром». Именно искусство, в целостности которого исключительное место занимает поэзия, дает вещам облик, а человеку взгляд на самого себя. В языке к народу исторически выходит его мир и сохраняется его земля. Понятие народом своего существа открывает его принадлежность к миру истории.

Линию экзистенциально-онтологического отношения к истории и традиции продолжает Гадамер. Историчность мыслится им как определяющая характеристика челове-

ческого опыта, являющаяся онтологической предпосылкой его укорененности в традиции. Историчность включает в себя образование здравого смысла, способности суждения, внутреннего такта, то есть всего того, что становится историческим определением индивида.

Историчность опыта, его предопределенность традицией обуславливают предпосылочность мышления. Предпосылкой, с которой начинается мышление, является «предпонимание» (Vorverstehen), или «предварительное понимание». Так, пытаясь понять какой-либо текст, исследователь уже имеет некоторое предварительное понимание относительно его содержания. Оно задано той традицией, в рамках которой он живет и мыслит. Освободиться от этой предпосылки мышления невозможно – беспредпосыльного мышления, к которому обращен классический рационализм, подчеркивает Гадамер, не существует вообще.

Только непонимание сущности традиции, полагает Гадамер, может привести к иллюзии, что от нее можно освободиться, ее можно отбросить и все начать заново. На самом деле бытие человека укоренено в традиции. В основе нашего к ней отношения должно поэтому лежать осознание этой принадлежности и определенности. В терминологии Гадамера это – «действенно-историческое сознание». В противоположность «историческому сознанию», полагающему себя независимым от традиции и истории, стремящемуся занять по отношению к ним превосходящую позицию, «действенно-историческое сознание» осознает свою историчность, сознательно подчиняясь «действенной истории». Необходимость преодоления позиции исторического сознания Гадамер фиксирует известными словами: «В действительности не история принадлежит нам, а мы истории» [2, 329].

Традиция является непрерывным процессом, в который органично включены прошлое, настоящее и будущее. Здесь Гадамер выступает как противник такого отношения к традиции, которое можно обозначить как «музейно-формалистическое», то есть рассмотрения ее как чего-то статичного и безжизненного, бесконечно удаленного от современности. Традиция, утверждает он, присутствует в современности, вплетена в каждодневный опыт. Это всеобъемлющая сфера, в которой происходит непрерывное опосредование прошлого и настоящего. «Там, где царит традиция, старое и новое всегда вновь срастаются в живое единство, причем ни то, ни другое вообще не отделяются друг от друга с полной определенностью» [2, 362]. Согласно Гадамеру, рассмотрение любого явления, процесса социокультурной жизни осуществляется «сквозь призму традиции», предполагает прояснение истоков, истории. Традиция, таким образом, становится основным способом понимания современности.

Традиция формирует понимание человеком мира и его самопонимание, так же как и понимание людьми друг друга. Это взаимодействие, как внутри-, так и межпоколенное, осуществляется благодаря причастности к «смысловому континууму» традиции, поэтому, стремясь понять мир, в котором он живет, человек обязан вести диалог с традицией, преданием. Предание представлено в языке, тексте, «оно есть язык», и «оно само заговаривает с нами, подобно некоему "Ты"». Диалог оказывается возможным благодаря открытости навстречу традиции, которую Гадамер называет «партнером по коммуникации». Этим подчеркивается, что наше отношение к традиции – всегда языковое и диалогичное. «Традиция, которой мы принадлежим и в которой живем, – это не часть нашего культурного опыта, не так называемое культурное предание, которое тогда состояло бы из одних памятников и текстов и заключалось бы лишь в передаче смыслов,

выраженных средствами языка и исторически засвидетельствованных. Нет, нам непрестанно передается, *traditur*, сам же познаваемый в коммуникативном опыте мир, он передается как постоянно открытая бесконечности задача» [1, 14].

Гадамер в отличие от Хайдеггера не противопоставляет свою мысль всей метафизической традиции. Он стремится не просто истолковывать мысль Гераклита и Парменида, Платона и Аристотеля, Августина и Фомы Аквинского, Декарта и Канта, Гегеля и Ницше, Гуссерля и самого Хайдеггера, но и сохранять эту мысль, воспроизводить ее в непрерывно изменяющемся времени и тем самым «онастоящивать», делать ее современной и всегда актуальной. Не выделяя приоритет истока перед традицией, он определяет традицию как нечто более укорененное в подлинную почву. Традиция для него является фундаментальным, первичным образованием. Язык Гадамер вслед за Хайдеггером определяет как универсальную среду, в которой существует человек, его культура и в которой осуществляется историческое предание. Универсальность языка предопределяет универсальность понимания культуры, если культура будет представлена как текст.

Философская позиция мыслителей определяется разработкой онтологических вопросов языка, истории, традиции. Объединяет Хайдеггера и Гадамера постановка проблемы необходимости осознания историчности своей культуры и своей обусловленности ею, обоснование идеи мышления, осознающего собственные исторические предпосылки.

1. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.
2. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. М., 1988.
3. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.